

Глава 12.

Трехчленный путь: мудрость

В последние несколько месяцев своей жизни Будда снова и снова обращался к одной и той же теме. В Палийском каноне рассказывается, как он скитался из одного места в другое с Анандой, своим спутником, и повсюду собирал своих последователей и напоминал им о пути к Просветлению. Темой, которую он избрал, был Трехчленный путь: этика, медитация, мудрость. Он обычно говорил: «Это нравственность, это сосредоточение, это мудрость. Сосредоточение, если оно исполнено нравственности, приносит великие плоды и пользу. Мудрость, если она исполнена сосредоточения, приносит великие плоды и пользу. Ум, исполненный мудрости, становится совершенно свободным от искажений, то есть от чувственной развращенности, от становления, ложных воззрений и неведения»¹²⁹.

Такой способ изложения напоминает нам, что Трехчленный путь последователен. Не существует, вне всякого сомнения, никакой высокой ступени медитации без нравственности, а без медитации нет подлинной мудрости. Этому уделял очень большое внимание великий лидер новой волны буддистов в Индии, доктор Б. Р. Амбедкар. В своей книге «Будда и его Дхамма» он говорит: «Праджня (мудрость) без шила (этики) опасна»¹³⁰. Чистая праджня, как говорит доктор Амбедкар, – то есть праджня в смысле интеллектуального знания – подобна мечу в руке сердитого человека. Тот, кто всего-навсего учен, кто просто хорошо начитан, может причинить много вреда. Шила и самадхи также необходимы.

Доктор Амбедкар идет еще дальше. Оно говорит, что даже праджни в полном смысле этого слова – мудрости, строящейся на основе нравственности и медитации – недостаточно. Но что еще тогда необходимо? Ответ, безусловно, – сострадание. На самом деле, подлинная мудрость всегда сопровождается состраданием. В Махаяне говорится, что, подобно большой птице, Дхарме нужны оба крыла – мудрость и сострадание, – чтобы летать.

Различие между виджняной и джняной

Есть несколько санскритских слов, которые обычно переводятся как «мудрость» или «знание», что нередко приводит к заблуждениям. Для начала, есть слова «виджняна» и «джняна». Оба эти слова происходят от одного и тоже же глагольного корня – «джня», знать. Но, хотя они сходны по образованию, между ними есть отчетливое различие, различие, которое имеет принципиально важное значение: для буддизма, для духовной жизни и даже, в конечном счете, для самой цивилизации и культуры.

У каждого из этих двух слов есть несколько значений, но здесь я хочу использовать их в том смысле, который они имеют в учении о четырех вверениях. Это учение появляется в ряде текстов Махаяны¹³¹. Первое из этих вверений заключается в том, что нужно доверять учению, а не человеку, который его преподает. Во-вторых, нужно полагаться на смысл, а не на его выражение. Не обманывайтесь выражением, попытайтесь обнаружить, что это значит на самом деле. Затем, в-третьих, нужно полагаться на писания с явным смыслом, а не на писания, смысл которых нуждается в истолковании. Некоторые места в буддийских писаниях невразумительны, даже двусмысленны, в то время как другие ясны и просты, поэтому непонятные места истолковываются в свете ясных и простых, нуждающиеся в объяснении – в терминах точных. И, в-четвертых, нужно полагаться на джняну, а не на виджняну.

Как подразумевается в этом четвертом вверении, хотя слова «джняна» и «виджняна» происходят от одного и того же глагольного корня, между ними существует большая разница;

на самом деле, они противоположны. Джняна видит вещи такими, какие они есть, виджняна видит вещи такими, какими они кажутся. Джняна свободна от жадности, ненависти и замешательства, а виджняна полностью находится в их ловушке. Джняна запредельна, виджняна принадлежит мирскому. Джняна имеет природу нирваны, виджняна имеет природу сансары.

Подавляющее большинство людей, естественно, полагаются на виджняну. Если выразить это словами, используемыми в традиции Йогачары, их знание обусловлено физическими чувствами, так называемым рациональным умом и умом или сознанием эго¹³². Очень немногие люди действительно полагаются на джняну, на запредельную мудрость. Таковы Вошедшие в Поток и, вероятно, самые выдающиеся из великих поэтов и мыслителей, но в наши дни на самом деле можно сказать, что большинство людей не только не полагаются на джняну, но даже не имеют представления о джняне как о чем-то, отличном от виджняны. Для них знание по сути является виджняной, чем-то постигаемым на опыте и рациональным, чем-то изоощренным и научным. Люди не имеют даже представления о возможности существования иного вида знания, не имеют представления о возможности существования джняны. Следовательно, можно сказать, что одна из величайших задач современного западного буддизма – объяснить различие между джняной и виджняной и утверждать его. Пока мы не поймем это отличие и не будем действовать согласно ему, не может быть подлинной духовной жизни, подлинного буддизма, подлинного – в отличие от действительного – Обращения к Прибежищу.

Поэтому мы должны полагаться на джняну, а не на виджняну. Но мы не можем полагаться на джняну до тех пор, пока у нас не будет, по крайней мере, некоторого ее опыта. И мы не сможем обрести этот опыт, если не будем развивать ее. Но как мы ее развиваем? Мы развиваем ее с помощью движущей силы всей нашей духовной жизни. Мы развиваем ее в результате медитации, нравственности, духовной дружбы, изучения Дхармы, правильного образа жизни и так далее. В двух словах, что мы развиваем джняну и учимся полагаться на нее на основе действительного Обращения к Прибежищу. Можно сказать, что наше действительное Обращение к Прибежищу на самом деле не действительно, если мы не пытаемся постоянно преображать его в подлинное Обращение к Прибежищу, если мы не пытаемся совершить переход от виджняны к джняне, от мирского к запредельному.

Праджня

Но когда мы видим слово «мудрость» в буддийской литературе, слово, которое передается этим переводом, обычно не джняна и не виджняна, а праджня. «Праджня» также происходит от глагольного корня «*джня*», знать, а приставка «*пра*» просто усиливает его значение, поэтому праджню можно назвать «истинным знанием» или даже знанием по преимуществу. Подобно джняне, праджня видит вещи такими, какие они есть, видит их в соответствии с реальностью. Подобно джняне, праджня свободна от жадности, ненависти и заблуждений, она запредельна и имеет природу нирваны. Тем не менее, между ними существует большое различие, так как джняна представляет собой состояние, которое уже достигнуто, в то время, как праджня представляет собой функцию или способность. Одним словом, джняна статична, а праджня динамична.

Природа праджни иллюстрируется отрывком из «Сутры Помоста», основополагающего текста буддийской традиции Дзен. Хуэйнен, шестой патриарх, говорит: «Самадхи – это сущность праджни, в то время, как праджня – это активность самадхи»¹³³. (В контексте «Сутры Помоста» самадхи означает не медитацию и сосредоточение, а соответствие джняне.) В то же самое время, не стоит думать, что эти две вещи – джняна и

праджня – на самом деле отдельны. Как продолжает Хуэйнен, они подобны лампе и ее свету. Он говорит: «Если есть лампа, есть свет. Без нее было бы темно. Лампа – это сущность света, а свет – это выражение лампы. Номинально это две вещи, но по сути они одно и то же. То же самое справедливо по отношению к самадхи (т.е. джняне) и праджне».

Как мы уже увидели, рассматривая мудрость как духовную способность, согласно буддизму существуют три последовательных уровня праджни: мудрость, проистекающая из слышания, мудрость, основанная на мышлении, и мудрость, основанная на медитации. Достижение этого третьего уровня мудрости – *бхавана-майи-праджни* – это обретение мудрости в полном смысле слова¹³⁴. Другими словами, именно *бхавана-майи-праджня* делает Будду Буддой.

Мудрость, сострадание и искусные средства

И, конечно, поскольку он является Буддой, его глубочайшее желание – чтобы другие тоже ощутили свободу сердца и ума, которая приходит с подлинной мудростью. Это, однако, не означает, что человек просто ходит и дает людям небольшие проповеди об истинной природе существования – в любом случае, это необязательно. Мудрость Будды сопровождается не только состраданием, но также и тем, что известно как «искусные средства» (*упайя* на санскрите). Исторический Будда, Будда Шакьямуни, по-видимому, всегда умел найти правильный способ изложить людям учение. Этому есть много примеров, но, вероятно, самая трогательная история – это история его встречи с молодой женщиной по имени Киса Готами.

Готами было ее родовым именем, а Киса (что означает «худая») – своего рода кличкой. Она была замужем не очень долго и недавно родила мальчика. Однажды мальчика укусила змея и, к несчастью, он умер. Киса Готами чуть не сошла с ума от горя. Она отказалась отдать тело сына и ходила от двери к двери, спрашивая у людей лекарство, чтобы вернуть его к жизни. Она не слушала никаких доводов, но однажды кто-то додумался предложить ей пойти и встретиться с Буддой. Несомненно, он сможет дать лекарство, которое ей нужно, сказали ей. Это было все, что хотела услышать Киса Готами. Она отправилась напрямик к Будде, положила тело своего сына к его ногам и сказала: «Пожалуйста, дай мне лекарство. Пожалуйста, верни моего сына к жизни».

Будда помолчал немного, а затем сказал: «Хорошо, я дам тебе лекарство. Но сначала я попрошу тебя принести мне кое-что. Пойди и принеси мне семян горчицы». Что ж, это казалось довольно простым. Киса Готами вскочила на ноги и была готова тут же бежать, но Будда сказал – и мы можем представить, что он сказал это с огромной добротой: «Есть только одна вещь, одно условие. Семена должны быть из дома, где никто не умирал».

Можно представить, что Киса Готами едва ли расслышала его. Когда она бежала в деревню, в ее сознании билась лишь одна мысль: если она сможет убедить кого-нибудь дать ей горчичных семян, ее сын снова будет жить. Она остановилась у первого же дома и объяснила, что ей было нужно. Конечно, когда она рассказала свою историю, люди, жившие в доме, были готовы дать ей столько семян, сколько она захочет. Но потом она вспомнила единственное условие Будды. «А кто-нибудь умирал в этом доме?» – спросила она. И владельцы печально ответили: «О чем ты говоришь? Многие умерли, немногие живы».

Поэтому она отправилась в другой дом, и произошло то же самое. Еще один дом – то же самое. В конце концов, она поняла. Смерть была не просто чем-то, что случилось только с ее сыном. Смерть приходит ко всем, к каждому мужчине и каждой женщине. Все должны

однажды умереть. Тогда она оставила тело своего сына в лесу, вернулась к Будде и пала перед ним на колени. Сложив ладони, она сказала: «Владыка, прошу, даруй мне Прибежище». И Будда дал ей Прибежище – на самом деле, Три Прибежища – в Будде, Дхарме и Сангхе. Она отправилась домой, научилась медитировать, и со временем тот проблеск истинной природы, который у нее был, распустился цветком Совершенного видения, мудрости во всей ее полноте¹³⁵.

Совершенство мудрости

Важность, которую буддисты всегда придавали обретению мудрости, отражает тот факт, что есть целая школа буддийской мысли и практики, посвященная Праджняпарамите, «Совершенству мудрости», которую называли «мудростью за пределами слов» или даже «мудростью за пределами мудрости».

Конечно, традиция «Совершенства мудрости» началась с самого Будды, именно там начинается история. Будда обрел Просветление под деревом бодхи в Бодхгайе две с половиной тысячи лет назад. Он увидел «вещи как они есть». И сначала, как мы видели, он сомневался, сможет ли он передать это видение другим людям. Оно было, так сказать, не от этого мира. Поэтому он собирался молчать об этом. Но впоследствии, к счастью для нас, он решил, что будет учить. Благодаря своему состраданию он решил, что будет учить Дхарме на благо тех, чьи глаза лишь слегка припорошены пылью.

Итак, Будда давал учение, и то, чему он учил, было выражением в концепциях, образах и словах его опыта Просветления. Не то чтобы он давал определенное описание этого опыта. На самом деле, он не так много говорил о нем, он только намекал на него, лишь указывал в его направлении, как бы говоря: «Если вы пойдете в этом направлении, вы увидите то, что увидел я». Как мы видели, он сказал, что его учение подобно плоту. Точно так же, как человек использует плот, чтобы пересечь реку и достичь противоположного берега, так и его учение можно использовать для пересечения потока сансары и достижения нирваны. Он настаивал, что его учение – только средство достижения цели, только палец, указывающий на луну.

Но когда прошло время, и сам Будда покинул этот мир, когда одно поколение его учеников сменилось другим, некоторые из поздних последователей Будды не сделали того, о чем он их просил. Они не перевели взгляда от пальца к луне, вместо этого, они, так сказать, приковали свое внимание к пальцу. Или, перефразируя предыдущую метафору, они обосновались на плоту, забыв использовать его для пересечения потока.

Особенно это касалось того, что – если несколько распространить эту метафору – можно было бы описать как часть плота, имеющую отношение к вероучению. Сам Будда давал лишь намеки, но на протяжении веков для некоторых людей эти намеки обрели прочность несомненных фактов, даже догм, развернутых доктринальных систем. Это особенно справедливо по отношению к Абхидхарме, которой веками были поглощены буддийские ученые Индии. К ней стали относиться и все еще относятся в некоторых буддийских странах, как к буквальному воплощению абсолютной истины¹³⁶.

Но не все буддисты согласились с тем, что Абхидхарма буквально воплощает абсолютную истину. Не все буддисты согласились, что праджня и Абхидхарма тождественны. И некоторые из этих буддистов создали свою собственную литературу, литературу, которая выходила за пределы праджни в понимании Абхидхармы – или, можно сказать, литературу, которая выходила за пределы буквализма и на самом деле ожесточенно против него боролась.

Это была литература традиции Праджняпарамиты.

Эта литература создавалась на протяжении нескольких столетий и со временем стала составлять около тридцати пяти независимых текстов, некоторые из которых были действительно обширны. Но, большие или маленькие, все они известны как сутры, то есть подразумевается, что все они – проповеди, данные самим Буддой, хотя и нельзя понимать это так, что они в буквальном смысле слова были даны историческим Буддой и затем записаны в точности, как он дал их. Однако их особое значение и особенно их протест против буквализма действительно восходят к самому Будде и учению собственно Будды.

Основная тема всех сутр Совершенства Мудрости, как мы знаем, – пустота, шуньята. Возможно, самая известная сутра – это «Ваджрачхедика», или «Сутра огранщика алмазов», более известная просто как «Алмазная сутра». Далее, есть «Сутра Сердца». Есть Праджняпарамита в восьми тысячах строк, в двадцати пяти тысячах строк и даже в ста тысячах строк – это самая длинная из всех. И эта обширная литература, состоящая из многих томов, была во всей своей полноте переведена на английский язык доктором Эдвардом Конзе – подвиг, за который все буддисты должны испытывать к нему глубокую благодарность.

Благодарность – в полном смысле слова буддийская добродетель. На самом деле, удивительно, но Будды тоже испытывают благодарность. В «Праджняпарамита-сутре» в восьми тысячах строк говорится, что Татхагаты или Будды:

«относятся к Дхарме с уважением, благоговением, почитают ее и преклоняются перед ней, ибо они знают, что сущностная природа дхарм есть лишь Совершенство Мудрости. Ибо всеведение Татхагат возникает из этого Совершенства Мудрости, и за это Татхагаты признательны и благодарны ей. По справедливости можно назвать Татхагату «признательным и благодарным». Признательностью и благодарностью Татхагата выражает преданность к колеснице, которая его доставила, и заботится о ней и о пути, на котором он обрел полное Просветление. Именно это следует понимать под признательностью и благодарностью Татхагат»¹³⁷.

Если даже Будда благодарен Совершенству Мудрости, то насколько более благодарны должны быть мы не только Совершенству Мудрости, но и самому Будде. На самом деле, нам стоит также быть благодарными всем нашим духовным друзьям, благодарны всем тем, кто позволил нам соприкоснуться с Дхармой, помог нам, углубил наш контакт с ней или ее понимание, – и благодарны переводчикам буддийских текстов, включая доктора Конзе, переводчика сутр Совершенства Мудрости. Можно сказать, что благодарность – одна из величайших добродетелей.

Печально, но в наше время это добродетель, которой часто пренебрегают. Иногда люди стыдятся чувствовать или выражать благодарность. Возможно, у нас возникает ощущение, что нам дали что-то, чего мы не заслуживаем или, по крайней мере, чувствуем, что не заслуживаем этого. Если мы получили что-то от кого-то, нам кажется, что тем самым мы занимаем подчиненное положение по отношению к нему, а нам не нравится чувствовать себя в подчинении. Кажется, именно это – та трудность, которая возникает у нас в связи с представлением о благодарности.

Когда я впервые познакомился с буддизмом в 1942 году, доктор Конзе только начал переводить литературу Совершенства Мудрости. Однако уже существовал английский перевод китайской версии «Алмазной сутры», и когда я прочитал ее, она произвела на меня огромное впечатление, как и «Сутра Помоста», сутра Вейланга или Хуэйнена, которую я

прочел примерно в то же время. Прочтя эти два текста – тогда мне было шестнадцать – я понял, что я буддист и на самом деле всегда им являлся. Поэтому я всегда чувствовал огромную благодарность к переводчикам этих двух книг – Уильяму Геммелю, переводчику «Алмазной сутры», и Вонг Моу-Ламу, переводчику «Сутры Помоста». Вот почему, публикуя свою книгу о буддийской канонической литературе, «Вечное наследие», я посвятил ее их памяти.

Тексты Праджняпарамиты описывали как «создающие угрозу возникновения заблуждений у неосторожных учеников». Они могут дезориентировать, потому что полностью переворачивают наши представления о реальности. В частности, они бросают вызов буквализму в мышлении. Это тема, над которой у меня были основания размышлять долгие годы. Мы думаем так буквалистично! Я бы сказал, что, по крайней мере, половина вопросов, которые люди мне задают на семинарах и даже в письмах, основаны на буквальном понимании – то есть буквалистических заблуждениях! Если бы только люди поняли, что они воспринимают все слишком буквально и в чем выражается этот буквализм, им бы не пришлось задавать эти вопросы. Но тексты Праджняпарамиты выполняют очень полезную функцию – они бросают вызов нашему буквалистическому мышлению, в особенности буквалистическим представлениям о самом буддизме. Они вынуждают и даже обязывают нас осознать, что плот, даже плот Дхармы, есть то, что он есть – плот. Они настаивают, чтобы мы смотрели не просто на палец, а на луну, на которую он указывает.

Наряду с вызовом нашему мышлению, тексты Праджняпарамиты побуждают нас чувствовать преданность, выйти в своем понимании за пределы интеллектуального к чему-то, что «ощущаешь в своей крови, ощущаешь сердцем», если воспользоваться выражением Вордсворта. В первых строках «*Ратнагунасамчаягати*» нас побуждают «вызвать в себе всю любовь, которая есть, все почтение и всю веру». В традиции Махаяны, в которой появилась литература Праджняпарамиты, Совершенная Мудрость со временем стала почитаться в форме богини, также называемой Праджняпарамита, и подобный результат просто выражал чувство благодарности, которое Будда ощущал к мудрости, посредством которой он достиг Просветления. Богиня Праджняпарамита визуализируется в золотом цвете, а у сердца она держит тексты Совершенства Мудрости; иногда ее называют «матерью всех Будд». Возможно – чтобы закончить эти краткие размышления о мудрости – этот гимн Совершенству Мудрости из сутры Праджняпарамиты в восьми тысячах строк также даст нам представление о том, что, как мы обнаружим, подразумевается под мудростью в буддизме. В тексте Шарипутра обращается к Будде и говорит:

Совершенство мудрости дает свет, о Владыка! Я выражаю почтение совершенству мудрости! Она достойна почитания. Она чиста, целый мир не может ее запятнать. Она источник света и избавляет от тьмы каждое существо трех миров и выводит его из крошечной тьмы, причинами которой являются заблуждения и ложные воззрения. В ней мы можем найти пристанище. Ее труды – вершина совершенства. Она заставляет нас искать безопасности под крыльями Просветления. Она приносит свет слепым, она приносит свет и дает силу отречься от всех страхов и несчастий. У нее пять глаз, и она указывает путь всем существам. Она сама – орган зрения. Она рассеивает уныние и тьму заблуждений. Она ничего не изменяет в дхармах. Она направляет на путь тех, кто отклонился на дурную дорогу. Она равнозначна всеведению. Она никогда не создает ни единой дхармы, потому что она оставила обители, связанные с обоими видами завес – тех, которые создаются омрачениями, и тех, которые создаются познаваемым. Она не прекращает ни единой дхармы. Само совершенство мудрости не было сотворено и не может прекратиться. Она мать Бодхисаттв вследствие пустоты знаков принадлежности. Даруя драгоценность всех Будда-дхарм, она дает десять сил (Будды). Ее нельзя разрушить. Она защищает

незащищенных с помощью четырех основ уверенности в себе. Она – противоядие от рождения и смерти. Она обладает ясным знанием самобытия всех дхарм, поскольку не отклоняется от него. Совершенство мудрости Будд, Владык, запускает колесо Дхармы¹³⁸.